

— A la bonne heure!..

Зина подняла голову. Неужели она его боится? Онъ сталъ къ ней спиной, заговорилъ съ французенкой, не такъ громко, какъ эти шумные русскіе, но громче, чѣмъ иностранцы, даже и въ этотъ часъ, въ модномъ кафѣ. Она не могла слышать, что онъ говорилъ; тонъ у него былъ увѣренный, отрывистый, барскій. Да и вся его фигура, въ штатскомъ, очень выиграла; пропала излишняя сухость и жесткость посадки, талья выше, плечи не такъ торчатъ, лицо бѣлѣе и чище, борода красить его, волосы изъ-подъ шляпы онъ выпустилъ; они слегка курчавятся...

Болѣе мужчиной казался онъ ей, чѣмъ всѣ мужчины, какіе были тутъ, и болѣе „въ стилѣ“, чѣмъ всѣ они; нельзя его принять ни за кого, кромѣ „знатнаго иностранца“, какъ шутъ Теняшевъ говаривалъ, описывая ей разныя торжества.

Волненіе ея не проходило. Рынинъ поговорилъ съ Діаной, кинулъ нѣсколько словъ двоимъ изъ группы русскихъ. Къ нимъ онъ не присѣлъ, а повернулся.

Она было закрыла глаза, и тотчасъ съ усиліемъ раскрыла ихъ, да такъ и сидѣла, надъ своимъ наполовину допитымъ бокаломъ, полнымъ мелкихъ кусочковъ льду. Она глядѣла на него, не моргала, не дѣлала никакого жеста головой. Рынинъ обернулся къ ней лицомъ, подался на два шага впередъ, поклонился ей, приподнял даже шляпу, но слегка, съ улыбочкой, въ родѣ той, кака была у него на платформѣ петербургской дороги. Что-то и еще новое распознала она въ этой усмѣшкѣ. Онъ пробирался къ ней, безъ всякой послѣдственности, радости или удивленія, точно это гдѣ-нибудь на балѣ или въ Павловскѣ, на музыкѣ.

Вотъ онъ ужъ около нея, въ узкомъ проходѣ, поглядѣлъ на нѣмку, усмѣхнулся и опять ей кивнулъ... Этотъ кивокъ заставилъ ее покраснѣть: до такой степени она сочла его безцеремоннымъ.

— Зинаида Мартыновна, — раздался его голосъ настолько громко, что русская группа могла слышать:— Вотъ судьба!..

Рынинъ сѣлъ около нея, даже не спросилъ позволенія, спиной къ нѣмецкому столу, еще разъ приподнял шляпу и протянулъ руку.

Зина держала свою соломенку въ зубахъ и чувствовала, что ея поза дѣлается или глупой, или запросто пріятельской, что было еще недопустимѣе, еще ужаснѣе.

Она выпустила изъ рта соломенку и сказала тихо, боясь, что голосъ у нея дрогнетъ.

— Здравствуйте, Рынинъ.